

Пухленький, кудрявенький, в перехваченной пояском рубашке, он казался мне доброй, мягкой куклой, созданной специально для улыбки людям, особенно детям: дети удивляются ему, тянутся к нему и любят его, сдобного пончика. И Слава Богданов, друг мой, в детстве так же воспринимал Ильича-ребенка. Я - уралец. А Слава - тамбовчанин. Я - с Ивашлы. А Слава - с Васильевки.

Помню, в голодной и холодной школе, послевоенного образца, моя учительница, Софья Александровна, кивала в сторону стены, на которой пестрели наклеенные фотографии и рисунки: "Владимир Ильич Ленин!"

Вот он - еще безгрешный, амурчик, такой румяный. Вот он - уже с юной дерзкой мыслью. Вот он - собранный и гневный. А вот он - трибунный, с раскрытым ртом, парящей пятерней: "Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась!"

Темное пальто. Полы реют. Шарф реет. Галстук реет. Кепка смята в пальцах. Толпа ревет, плачет, стонет, качается на фоне Спасской башни. Солдаты - со штыками. Матросы - в лентах пулеметных. И - соратники, соратники, соратники. Сталин, Калинин, Молотов, Ворошилов, Дзержинский, да кого только, каких только соратников и последователей нам не внедряли? Мне - в Ивашле. Славе - в Васильевке. И учительница у Славы Богданова другая: Дарья Ивановна.

Троцкого, Бухарина, Каменева, Зиновьева, Раковского, Томского, Рыкова, Луначарского я не застал - пали в оппозициях, но Якова Михайловича Свердлова пробовал уважать, слушая байки о нем, а подрос, глянул на музейную биографию - разочаровался: заслуг перед государством и перед партией у него много, а правды в его судьбе нет. То, четырнадцатилетним, демонстрацию организывает, то, пятнадцатилетним, подпольную большевистскую ячейку создает у нас, на Урале. Странно. А на Тамбовщине - Тухачевский озоровал.

Явись к нам в цех, в институт, на поле, четырнадцатилетний малый, и пригласи нас бунтовать - смех. Неужели тогда рабочие и крестьяне романтичнее ребятишек были: позови играть в мяч - пожалуйста, позови баррикады взгромоздить - пожалуйста, позови гранаты в царя бросить - пожалуйста. Не верю. Никогда не соглашусь с этими выводами. И Лент - не Ленин, а что-то иное, тайное, грозное, ящерно пылающее пнутри человека и над ним... А соратники - ну, соратники, ну, а кому они интересны?

Софья Александровна указкой и легонько даже не поведет, а чуть, кивком, на Ильича. А Ильич, карандашный, красковый, точенолобый, лысый, мраморный, секретный, озабоченный не своею Грецией, маненькой державкой, а планетой:

Еще

по миру

пройдут мятежи -

Сквозь все межи

Коммуне

путь проложить.

Ленин -

жил.

Ленин -

жив.

Ленин -

будет жить.

Можно ли усомниться? Маяковский жрец: Ленин жил и будет жить. Софья Александровна нервно тыкала в стол кончиком указки. Худая - нет в деревне ни хлеба, ни картошки. Желудей осенью собираем под дубами - и лепешки едим. А лепешки - чугунные. Грудь после саднит. Но в школе, на уроке, Ленин - жив...

Дома похуже: отец, израненный, на кровати мучается, на костыли подняться не в состоянии, мать опухла - щавеля не найти вблизи околицы, все повыврвали, корней репейных пожарить не отыскать. А Ленин - жив.

Война в 1945-м окончилась, инвалиды сунулись в избы, а избы - ни хозяина, ни парня зрелого: полегли - от деревни и до Берлина, жуть зыркает по чуланам, сеням и поветям. Поздороваться не с кем, крестов на кладбище больше, чем живых людей в деревне. А Ленин - жив. Ленин - будет жить.

Я нежно думал: возмужаю и - к Ленину, как ходоки, так, мол, и так - деревня разрушена, мужики побиты, а налоги дерут с осиротелых дворов, как самураи или фрицы: "Яйко - дай, млеко - дай, шнапс - дай!" Но останавливался; Ленин - в Мавзолее. Спит. Надорвался от забот о крестьянах и рабочих, спит. Вождь отдыхает. Спасская башня Кремля гремит воротами. Куранты бьют. Гимн звучит. Страна трудится.

Страна трудится, и Сталин бодрствует. Усы. Трубка. Зеленый китель. На кителе некоторые ордена и медали. Строго зачесанный. Не лысый. Индивидуальный, значит, характер имеет, но, как Сократ, как Ленин, философствует. Пятилетний план бесплатно подарил Отчизне. По праздникам на Мавзолее стоит, а народ, благодарный и счастливый, мимо движется - с лозунгами, транспарантами и портретами: дескать, ты, товарищ Сталин, соратник Ильича, стой, а мы, пролетарии, пройдемся!.. Здорово.

И худая, бедно одетая Софья Александровна кивала, очень тоже осторожно кивала:

- Сталин наш вождь. Сталин верный соратник Владимира Ильича Ленина. Сталин гениальный полководец, корифей всех наук, отец всех племен и народов! - А Сталин сидел в рамке. Молчаливый. Сосредоточенный генералиссимус Джугашвили. Он молчал - и мы молчали. А учительница читала из Твардовского:

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гудит война,
На печи сидит старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит - Теркин дома,
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведет.
- Перелет! Лежи, старуха. -
Или скажет:
- Недолет...

Слезами, горем, эхом войны отзывался каждый уголок, каждый край, и на Урале война шелестела в жестких угрюмых метелях, ухала в летних стальных громах, рыдая, вздыхала в осенних зябких ливнях.

Лишь дедов у нас в деревне не видать. Тех, дореволюционных, дедов перестреляли в окопах, порубили в полях, прикончили в казнительных подвалах, заморили и уничтожили на Колыме и на волжско-донских каналах. А этих, советских дедов, не дав им стать дедами, убрали, как подчистили, на фронт, под Москву, под Киев, под Прагу, Бухарест, Варшаву, Берлин и т. д...

Избы за пять военных лет сгорбатились, надломились, по хребту, и перековеркали порядок, из строя как бы вывалились, ослепшие от недокормия и беззащитности. Первая - с немцами война. Вторая - гражданская война. Третья - с Японией война. Четвертая - с Финляндией война. Пятая - опять с Германией война. А Прибалтика? А Польша? А Китай?

И все - за пролетарское дело, за советскую власть, за марксизм-ленинизм. За ленинизм-сталинизм. И хотя Сталин свежее, подтянутее, не лысый, но и он патриарх-Сократ: думает, решает за нас, за маму мою, обмороженную в колхозных

коровниках, за солдат, бросающихся на вражеские танки, за мир, уважающий Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, крестьян и рабочий класс.

Пошатываясь, кушать нечего, Софья Александровна утверждает:

Сталин наша слава боевая,
Сталин наша юность и полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.

Интересно жить. Петьку, пятиклассника, председатель колхоза поймал за воровство: Петька вытаскивал яичко из гнезда. Кур в колхозе много, ну и взял Петька одно яичко, ведь совсем не ел, а семья у Петьки - десять человек, и отец погиб под Будапештом, Венгрию освобождал...

Так вот, кур много, а председатель один. Поймал он Петьку за вихор и давай ботинками пинать, кованными^ американскими, утюгами-ботинками. Испинал - ботинкам хоть бы что, а Петька сплевывал кровь и кашлял в крапиве. Кашлял, кашлял, заболел - скончался. Приду я на могилку, погрузу и уйду. А председатель на меня косится. А ботинки, американские - живые. И Ленин - жив. И Сталин хорошо себя чувствует - погоны императорские сверкают.

Грузин приехал в деревню. На Сталина похожий, но гораздо моложе. Галифе синие. Китель зеленый, как у Иосифа Виссарионовича. Кобура на ремне. А в кобуре пистолет. Пощелкал, пощелкал на счетах, накинул на нашу буренку, на рога ей, бечевку и повел ее в районный центр - за налог. Денег нет. Мяса нет. Шерсти нет. Масла нет. Картошки нет. Семечек нет. Желудей нет. Черемухи нет. Конопли нет. А все - сдавай. Да без опозданий сдавай.

Буренка сердито идет, но не упирается. А грузин, похожий на молодого Иосифа Виссарионовича, - впереди. Трусцой и шагом, трусцой и шагом. Грузин оглядывается на буренку. Буренка на мать. Мать - на нас. А нас - восемь, да отец, на костылях, да дед с бабкой, и все - за буренкой, все - за грузином. Улица - длинная, соседи выбегают, машут буренке и нам:

- Корову арестовали!

- Корову арестовали!

А грузин, нормальный, без упреков и гадостей, как бабахнет из пистолета над буренкой, как бабахнет! Буренка замотала рогами, застучала копытами и на грузина. Грузин - на забор. И мы с ним - на забор. Он стреляет вверх, а мы вниз валимся.

К вечеру у сарая грузин пригрозил буренке конституцией, попил у нас парного молочка и отбыл, похлопав отца по плечу, держащегося у калитки на костылях: - Карашё воиваль! Карашё воиваль!

А на занятиях Софья Александровна не смогла мне в глаза посмотреть, отводила и отводила. А когда я сам пытался заглянуть ей в глаза, она, как буренка, медленно прикрывала веки и медленно отворачивалась. Но по-прежнему заставляла нас зубрить:

Два сокола ясных Вели разговоры.
Первый сокол Ленин,
Второй сокол Сталин.
А кругом летали
Соколята стайей.

Засыпал я среди теплых братьев и сестер. Постель на полу - дерюга, кошма, тулуп. Замечательно. Притих - задышал, ровно и крепко. И во сне начиналось настоящее кино: дуб, огромный, могучий, ветвистый, а на дубу - Ленин и Сталин. Ленин - без пальто и кепки. Без шарфа, галстука и трибуны. Красный - и крылья по бокам красные. А Сталин - без кителя, без медалей и орденов. Красный - и крылья по бокам красные. И желуди, желуди под дубом!.. Горстями гребь.

Дуб шумит и качается на октябрьском ветру, шумит и плещет листьями, а Ленин и Сталин, два сокола багряных, взлетают в грозу и кричат, взлетают в кромешное пламя и ультимативно кричат:

- Революция свершилась!

- Революция свершилась!

А соколята, оранжевые, белые, желтые, розовые, голубые, черные, серые, сизые, рассыпаясь, поднимаются за ними и клюются между землею и небом, между собою клюются и повторяют: "Революция свершилась!"

Как мы на уроке, зубрят!..

* * *

В мартен я попал без Сталина. А Слава Богданов - на коксохим без Сталина. Я - с Ивашлы. А Слава - с Васильевки. Сталин к тому времени в мавзолее лежал. Рядом с Лениным. Вдвоем лежали. И над дверьми Мавзолея объявлялось: "Ленин - Сталин".

Решение правительства напечатали - соорудить пантеон, куда класть отменно выдающихся деятелей КПСС и государства, значит - народа.

Народ поддержал решение соратников Сталина - соорудить пантеон, собрался сооружать, но решение кто-то притормозил. Жаль. И Сталина вынесли. Зачем? Лежали бы сейчас - Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, а там - другие отменно выдающиеся: захотел - вытер обувь и в пантеон, ликуй...

В мартен я попал без Иосифа Виссарионовича. Ставили нас, сбежавших из растерзанных деревень юнцов, на весы, медсестры ставили:

- Пятьдесят три!

- Шестьдесят семь!

- Шестьдесят восемь!

Это - килограммов, уточняли... Вес подходящий - в мартен. Щуплый - в сантехники. И шустрил возле весов бойкий администратор. Лысый, в жилете - ладошки в карманы. Галстук - в крапинку. Плотный. Курить не разрешает. Торопит. Ленин и Ленин. Даже картавит. Р-р-р-р! И - точка.

- Шестьдесят девять! - восклицала медсестра... А в жилете и с галстуком в крапинку, Абрам Ильич Боричко, директор ремесленного, как подхватит:

- Шестьдесят девять! В мартен его! - И по спине меня, по спине! А Славу за ухо: - В ремонтники!

Боричко - Боричко и есть. Добрый, с юмором, Абрам Ильич. Владимир Ильич, Иосиф Виссарионович, Абрам Ильич. Ленин, Сталин, Боричко - наши кумиры, наши воспитатели.

Софьи Александровны нет, Дарьи Ивановны нет, зато Рахиль Моисеевна у нас во Дворце культуры в литкружке преподает. Она еще лучше Софьи Александровны - не запинаясь шпарит:

Столетие страницы шевелит -
Сто долгих лет борьбы, труда и славы!
Не призрак бродит, а солдат стоит
У стен коммунистической державы.

Рассветный сумрак начал розоветь,
И часовой в упор глядит на Запад,
Где лев британский, как простой медведь,
Сосет - голодный - собственную лапу.

Столетия терзая материк,
Несутся атлантические воды
И бьются в берег, где Нью-Йорк воздвиг
Большую статую для маленькой свободы.

И часовому видно, как вдали
Просторами сменяются просторы, -
Не призрак бродит: плоть и кровь земли
Бушует, разворачивая горы.

Ветра истории страницы шевелят,
И нет правдивей, нет вернее этой,
Написанной сто лет тому назад,
Грядущей биографии планеты!

Рахиль Моисеевна хвалила автора, Михаила Светлова, хвалила Французскую революцию, Парижскую Коммуну и заключала:

- Революция, вы же будущие поэты, революция обновит и узаконит справедливость на земле! Земля - свобода! Свобода - человек! Человек - братство! А братство - труд! А труд - равенство наций. А нации - КПСС! КПСС - единая любовь, единая воля миллионов, КПСС - Ленин! КПСС - разгромила культ личности Сталина, осудила репрессии, ликвидировала тюрьмы и насилие!..

Рахиль Моисеевна доставала из потертой сумочки, довольно вместительной, сухарик и конфетку, хрустела вкусно, неторопливо, запасалась вдохновением. Иногда груди ее выползали из-под темной недостиранной кофты и, пошевеливаясь, как живые близкие существа, отдельно от нее, но вместе с нами - внимательно слушали Рахиль Моисеевну, жующую и советующую:

- О партии писать, о Ленине писать, о Никите Сергеевиче надо писать! Кого стесняться? Советской власти - матери нашей?

Из литературного кружка мы с другом, слесарем, Вячеславом Богдановым, возвращались отмеченные. В общежитии у нас - по койке. Возле коек - по тумбочке. А в тумбочке - сухари и конфеты, того же сорта и цены той же, что и у Рахиль Моисеевны. Она - поэтесса, и мы - поэты... Сталина ругаем. Ленина любим.

Возвращаясь, мы начинали считать, прямо от Дворца культуры металлургов, памятники Владимиру Ильичу Ленину. На площади Дворца культуры - раз. У стадиона - два. У входа в парк - три. У клуба рыбаков - четыре. У клуба актеров - пять. У райкома - шесть. У райисполкома - семь. У профкома - восемь. У треста монтажников - девять. У загса -

десять. У пединститута - одиннадцать. У военкомата - двенадцать. У КГБ - тринадцать. У МВД - четырнадцать. У прокуратуры - пятнадцать. У адвокатуры - шестнадцать. У тюрьмы - семнадцать. У базара - восемнадцать. У детсадика - девятнадцать. У аптеки - двадцать. И т.д., и т.д.

На сто тысяч, проживающих в соцгородке, приходится более шестисот памятников, бронзовых, в рост, полурост, бюст, голова, профиль, оборот и прочее, не беря мелкие изделия - бюстики, головки, профилики, полуоборотики - в красных уголках, конторах, гаражах, кабинетах, конференц-залах, лабораториях, аудиториях, словом, по шесть, по семь штук на тысячу граждан соцгородка. На многих - Сталин отколот от Ильича. А сидели на постаменте - вместе...

Действительно, Ленин - жив! Ленин - будет жить! Слава Богданов готовится к выступлению, первому, в заводской библиотеке имени Ленина: сочиняет стихи о Ленине. И я-о Ленине.

Слава Богданов мне посвящает ленинские стихи. Я ленинские стихи посвящаю Славе:

Я помню, как ставни скрипели,
Гудела метель за окном.
В распахнутой серой шинели
Склонился отец над столом.

Согретый дыханием печи,
По-детски тоску затая,
У бабушки в этот же вечер
Угрюмо выпрашивал я:

- Чего он такой невеселый?
- Тебе эту скорбь не постичь.
Пришла телеграмма в поселок,
Что в Горках скончался Ильич.

Стихотворение навеяно прочитанным о революции, о Ленине, о той атмосфере, какую принесла нам литература, лепящая образ вождя... Да и позднее я обращался к Ленину:

Где-то там впереди
Окровавленный падает Ленин!..

Но цензура поправила:

Поднимается раненый Ленин!

Обращался я к Ленину и - через Мавзолей:

Я не измучен
Долгою дорогою,
Движение -
Что может быть милее!
И вот стою,
Руками робко трогая
Нахолоделый
Мрамор Мавзолея.

Ленин и беднота, крестьяне, рабочие, с ними Крупская, чай пьют... Ленин - и скромность. Ленин - и независимость, точность. Ленин - и Революция. Ленин - и чувство бунта, чувство достоинства, волжской удали:

В центре города - Ильич,
С Волгой говорящий.
Никогда он не был смирным,
В ссылках сокол не зачах,
Столько ненависти к жирным
В озорных его очах.

И как абсолютная непримиримость к тем, богатеющим и ныне на наших пролетарских нуждах, как раскаленная стрела - в их лживый брежневский притон, в икранные пайки, в закрытые поликлиники, в мордастые лаковые "Чайки", в пышные утробные дачи, в сально-сусальный генсековский лик, в лидерское мурло, пахнущее лестью, взятками, хамством, властью и тупостью, упершееся задницей в гранитную безнаказанность:

Стенька Разин,
Ты по городу идешь,
Ты по городу идешь,
Землякам поклон кладешь...
В красных бакенах ярка, Атаманская река.
Вашей славы гул согласный
У эпох ломал хребты.
Емельян в кафтане красном,
И в рубахе красной ты!
Мы клянемся поименно,
За спиной холопьев нет, -
Наши красные знамена
Переняли этот цвет!

Ленин - бунтарь. Стенька - бунтарь. Емельян - бунтарь. Да и любой крестьянин, любой рабочий - бунтарь. Не смириться же нам с нуждой, бесправием, с обманом чинуш, с кукурузным насилием Хрущева, с его нетрезвой болтовней, с его кастрированно-сусловским окружением? Не смириться. Крестьяне, рабочие ценят определенность, твердость. Но Сталин - перехватил: наказали... Единственный путь у страны - к Ленину. Ильич - не подведет.

Слава Богданов, лирик:

Тяжелый год.
Нетопленная печь.
Глухая ночь,
А в доме - ни полена.

Друг мой верный не выдюживает - запивает. Хмельной, жалуется:

- Валь, куда все девается, лес, пшеница, железо, серебро, золото, меха, ситец?
Чернозем и тот продаем японцам и немцам!

Слава Богданов рос без отца - погиб отец на фронте. Ждал Слава поприличнее зарплату, попросторнее комнату, но не дождался. А Хрущев - гоняет по миру. Стучит сапогом в ООН, несет чушь, и никаких ему порицаний - незыблемей Сталина, бритый балабон!

Хрущев к Ленину рвется, к Ленину. Тома бездарных сочинений оккупируют киоски, прилавки, лотки, политшкафы, тома - сытые, как поросята. И сам Никита - сытый,

гладкий, аж свист по роже! И - его соратники, соратники, соратники. А потом - драка с ними, соратниками, шумная, грязная, затяжная, на трассе настигания Америки!..

Я учусь на Высших литературных курсах в Москве, Слава Богданов - на коксохиме слесарит. Хрущев печатает сытые свиные тома, и мы - рахитичные сборнички поэзии. У Хрущева - Эренбург, Полевой, Серебрякова, Шолохов, Тычина, Шагинян, Сурков, Турсун-заде, Кожевников, Танк, Инбер, Симонов, Кассиль, Сосюра, они же, многие из них, и у Сталина путались под штиблетами, а мы, я и Слава, сироты: Рахиль Моисеевна повезла делегацию в Италию и осталась там. Перебралась в Израиль, а нас бросила, полуграмотных...

Болит душа. Мучается душа. А к семидесятилетию Никиты - гвалт, треск, гомон челяди невероятный. И я взвинчен, и я приветствую:

Вам семьдесят, но столько благородства
И столько вам усердия дано,
Что вся страна, под вашим руководством,
Пустив пузырь, нащупывает дно.

* * *

Мы, русские, устали от сионистской прессы, от сионистской узды и сионистского давления: как будто Россия не нам принадлежит, а тем, кто уезжает и приезжает то из Германии, то из Америки, то из Гаити или Израйля, и все - на русскую долю, на русскую душу. Кто летает в Тель-Авив, в Лондон? Диссиденты - нынешние хозяева России и наши, действующие на "верхах" выскочки-хриstopродавцы. А диссиденты - отпрыски "исторических" диссидентов.

Идет русско-германская война, а они купе занимают, да как? В запломбированных вагонах. Принадлежа к различным партиям, движутся в одном направлении. Интернационалисты. Революционеры. Дрессировщики кровавого геноцида. В 1917-м из Швейцарии через Германию проследовали в первом потоке не лебеди, не журавли, а неуголимые грызуны:

Абрамович Майя Зеликовна, Айзенбаунд Меер Кивович, Арманд Инесса Федоровна, Гоберман Михаил Вульфович, Гребельская Фаня, Кон Елена Феликсовна, Константинович Анна Евгеньевна, Крупская Надежда Константиновна, Ленин (Ульянов-Бланк) Владимир Ильич, Линде Иоган-Арнольд Иоганович, Мирингоф Илья Давидович, Морточкина Валентина Сергеевна, Пейнесон Семен Гиршевич, Погонская Буня Хемовна (с сыном Рувимом), Равич Сарра Нахумовна (будущая вторая жена Зиновьева), Радомысльская Злата Эвновна, Радомысльский-Зиновьев (Алфельбаум) Евсей-Гершен Аронович, Радомыльский Стефан Евсеевич, Ривкин Залман-Берк

Осерович, Розенблюм Давид Мордухович, Сафаров (Вольдин) Георгий Иванович, Сквнон Абрам Анчилович, Слюсарева Надежда Михайловна, Сокольников (Бриллиант) Гирш Янкелевич, Сулашвили Давид Сократович, Усиевич Григорий Александрович, Харитонов Моисей Мотыкович, Цхакая Михаил Григорьевич.

Малость повременив, кайзеровское правительство перебросило к нам новый эшелон неуголимых грызунов, оплачивая их... Выгодно Кайзеру сгодились предатели. Взрывники сгодились. Меч народа уронят в народ. Революцию утопят в Революции. И - уронили. И - утопили.

РСДРП

Авдеев Иван Ананьевич (с женой и сыном), Аксельрод Тозия Лейзерович (с женой), Аптекман Иосиф Васильевич, Асиариани Сисипатр Самсонович, Астров (Повес) Исаак Сергеевич, Баугидзе Самуил Григорьевич, Беленький Захарий Давидович (с женой и ребенком), Богрова Валентина Леонидовна, Бронштейн Роза Абрамовна, Ванадзе Александр Семенович, Войков (Вайнер) Пинхус Лазаревич, Геронимус Иосиф Борисович, Герштен, Гившвалинер Петр Иосифович, Гогиашвили Поликарп Давидович (с женой и ребенком), Гохблит, Гудович, Добровицкий Захарий Лейбович, Доидзе Соломон Ясеевич, Жвиф (Макар) Семен Моисеевич, Иоффе Давид Нахумович (с женой), Коган Владимир Абрамович, Коган Израиль Иремиевич (с женой и ребенком), Копельман, Кристи Михаил Петрович, Лебедев (Полянский) Павел Иванович (с женой и ребенком), Левина, Левин Иохим Давидович, Левитман Либа Берковна, Луначарский (Байлих) Анатолий Васильевич, Люднинская, Маневич Абрам-Эвель Израилевич (с женой), Мануильский Дмитрий Захарович, Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович, Мартынов (Пикер) Семен Юльевич (с женой и ребенком), Мгеладзе Власа Джарисманович, Мовшович Моисей Соломонович (с женой и ребенком)...

Как не вспомнить шутку Славы Богданова:

И жить хорошо, и жизнь хороша,
И мы потому бодрее,
Что проще поймать и сесть на ежа,
Чем охмурить еврея.

Мунтян Сергей Федорович (с женой), Назарьев Михаил Федорович, Оржеровский Марк (с женой и ребенком), Орлов (Мендер) Федор Иванович, Осташинская Роза Гирш-Арановна, Певзая Виктор Васильевич, Пишборовский Стефан Владиславович, Пластинин Никанор Федорович (с женой и ребенком), Позин Владимир Иванович, Рабинович (Скенрер) Пиля Иосифовна, Райтман (с женой и ребенком), Розенблюм

Герман Хаскеливич, Рохлин Мордха Вульфович, Рузер Леонид Исаакович (с женой), Сагрето Николай Петрович (с женой), Садокая Иосиф Баженович, Семковский (Бронштейн) Семен Юльевич (с женой), Сокольников (с ребенком), Строева, Туркин Михаил Павлович, Финкель Моисей Адольфович, Хаперия Константин Алексеевич, Шейкман Аарон Лейбович, Шифрин Натан Калманович, Эренбург Илья Лазаревич.

Щедрые германцы. Перебрасывают и перебрасывают. А грызуны теснятся. В тамбурах - запах зверья. Грызуны возятся, ярятся, чумеют.

БУНД

Абрамович (Рейн) Рафаил Абрамович (с женой и двумя детьми), Альтер Эстера Израилевна (с ребенком). Барак, Болтин Лейзер Хаимович, Вайнберг Маркус Ааронович, Гальперин, Димент Лейзер Нахумович, Дранкин Вульф Меерович (с женой и ребенком), Дрейзеншток Анна Мееровна, Зайнин Майром Монашеевич, Идельсон Марк Лимпанович, Иоффе Пинкус Иоселевич, Клавир Лев Соломонович, Конторский Самуиль-Сруль Давидович, Левит (Геллерт-Левит) Эйдель Мееровна (с ребенком), Лернер Давид, Липнин Иуда Лейбович, Любинский Мечислав-Абрам Осипович (с женой и ребенком), Люксембург Моисей Соломонович, Махлин Тайва-Зейлик Зельманович, Меерович Мойша Гилелевич, Нахимзон Меер Ицкович, Пин-лис Меер Бенцианович, Раков Моисей Ильич, Розен Хаим Иудович (с женой), Свети гский А. А., Скептор Яков Лейбинович, Слободский Валентин Осипович, Тусенев Исаак Маркович, Хефель Абрам Яковлевич, Цукерштейн Соломон Срулевич (с двумя детьми), Шейнберг, Шейнис Исер Хаимович.

Немцы надеялись: даром не пропадут затраты. Загрохают револьверы. Зашуршат ночные крысы в подвальных расстрельных трибуналах... Умоют они кровью русский народ.

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ (ЭСЕРЫ)

Безземельный (Устинов) Алексей Михайлович, Беяева (Урес) Мария Александровна (с ребенком), Бобров (Натансон) Марк Андреевич (с женой И. Александровой), Веспштейн Израиль Аронович, Виноградова Елизавета Иевровна, Гавронский Дмитрий Осипович, Дахлин Давид Григорьевич (с женой и ребенком), Кальян Евгения Николаевна, Ключин Борис Израилевич (с женой), Левинзон Меер Абрамович (с женой и ребенком), Лункевич Зоя Павловна, Перель Ревекка, Прошьян Трон Першович, Розенберг Лев Иосифович (с женой и двумя детьми), Ульянов Григорий Карлович, Тенделевич Леонид Абрамович (с женой и двумя детьми), Фрейфельд Лев Владимирович (с женой и ребенком).

К кому ехали? К теще на блины. К пролетариату. Марксисты же, страдающие за рабочий

класс... В Европе не поживились, запломбировались - и в Россию. Тоскуют по смертям, по золоту и алмазам, ювелирники! Тоскуют по храмам, громилы!

Казнить спешат, как на рынок - табором, кагалом, перемазанные, переплетенные, перевитые родственными талмудными генами, перекореженные, сгорбаченные, скривленные грифы двадцатого века, грифы, питающиеся русской благородной кровью, русской святой совестью!

И все - в оппозиции, все - со своими уставами и программами, организациями: балаган, стая хищников, и у каждой вожак. Из Европы турнули, а Россия - большая, доверчивая, добрая. И сегодняшние "демократы и прорабы" перестройки залили мозги сионистской прессой людям и вертят ими, как хотят, измученными, забитыми, управляемыми. Отшибли волю к сопротивлению "путешественники", высыпавшие густыми тифозными вшами из тех секретных вагонов?..

АНАРХО-КОММУНИСТЫ

Буцелевич Александр Станиславович, Вьюгин Яков (с женой и двумя детьми), Гитерман Абрам Моисеевич (с женой и ребенком), Гольдштейн Абрам Борисович, Липдиц Ольга (с ребенком), Максимов (Ястржембский) Тимофей Федорович, Миллер Абрам Липович (с женой и двумя детьми), Ривкин Абрам Яковлевич, Рубинчик Эфраим-Абрам Аронович, Сегалов Абрам Вульфович (с женой), Скутельский Иосиф Исаакович, Тойбисман Ветя Изаилевна, Шмулевич Эстер Исааковна, Юстин Давид.

Ехали - не в шахту. Ехали - в секретари. Ехали - в комиссары. Ехали - в судьи. Ехали - в следователи. Ехали - в палачи. Там, где они прошли, там - убитые церкви, с ободранными куполами-черепами. Там, где они прошли, там - запрещенные лагерные холмики, жестяные номера растоптанных узников.

Вспомним Михаила Светлова, крохотного еврейского Гейне в СССР:

Пей, товарищ Орлов,
Председатель Чека.
Пусть нахмурилось небо,
Тревогу тая, -
Эти звезды разлиты
Ударом штыка,
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.

Орлов - не Мендер ли?.. Как и Светлев - не Светлев... Чудеса. Но, однако, "коммунары" едут и едут через территорию Германии.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО И ЛИТВЫ

Гольденблум Роза Маврикиевна, Урбан Эрнст Иванович (с женой и ребенком), Шустер Иван Германович.

ПОЛЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Кон Феликс Яковлевич (с дочерью и зятем), Ляпинский (Левинзон) Меер Абрамович, Шпаковский Ян-Игнатий Александрович.

ПОЛЕЙ-ЦИОН (РАБОТНИКИ СИОНА)

ВоловнинАласса Овсеевна, Кара.

СИОНИСТЫ-СОЦИАЛИСТЫ

Динес Ривка Хаимовна, Розенберг Лев Иосифович.

Вдвоем - и партия. Не скучно.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЛИТВЫ

Мартна Михаил Юрьевич.

ПРОЧИЕ

Авербух Шмуль-Лейба Иосифович, Балабанова Анжелика Иссаковна, Брагинский Монос Осипович, Гониодский Иосиф Абрамович, Зифельд Атур Рудольфович, Караджай Георгий Артемьевич (с женой), Киммель Иоган Вольдемарович, Макарова Ольга

Михайловна, Марарам Эля Эвиличевна, Мейснер Иван (с женой и двумя детьми), Одоевский (Северов) Афанасий Семенович, Окуджава Владимир Степанович, Рашковский Хаим Пинкусович, Слободский Соломон Мордкович, Соколов Павел Яковлевич, Стучевский Павел Владимирович, Трояновский Константин Михайлович, Шапиро Марк Леопольдович.

Среди “путешественников” - “рассказчик” Сокольников. Изуверы и цареубийцы - Сафаров и Войков. Садист - Зиновьев. И петух-лапник - Луначарский, громко прокукарекавший марксизм “пятой великой религией, формулированной иудейством”... Списки “запломбированных” опубликовал Сергей Наумов 20 февраля с. г. в газете “Вечерний Магадан”.

И не надо удивляться тому, как уважаемый вождь мирового пролетариата, Владимир Ильич Ленин, ловко сделал петлю и ловко заарканил ею памятник Великому князю Сергею Александровичу в Кремле, а дебилы Свердлов, Аванесов, Смидович и “прочие” потянули - обрушили, “завербовав” на подмогу русских хриstopродавцев, русских грызунов...

Не надо удивляться, как, по глубоко распространившейся молве, голову царя “опричники” преподнесли Ленину и Свердлову. Троцкий ускользает от “этого” в своих “воспоминаниях”, но в российских народах молва засела неприятней занозы. Монахов - к стенке. Дворян - к стенке. Престолонаследников - к стенке.

У Ленина дед - еврей. У Гитлера дед - еврей. Неужели их ненависть к родovitости подождена их “бензиной примесью”, их “обидой” на “чистую” кровь? Так ведь - фашизм и обретается. Так ведь - и войны заузливались. Так ведь - и грызуны-карлики вызревали.

А КПСС - забор: кто вскарабкался - жив. Кто не вскарабкался - пали вверх, как на Ивашле грузин. КПСС - кулисы, откуда кровавые карлики берут разбег... КПСС как народ, нет у нее инструмента пресечь негодяев. Хитро ее изобрели: КПСС - падчерица Мафии, жертва Сиона.

* * *

Заметишь, а езжу я часто, на холме разоренный собор - защемит сердце: кому он мешал? Сколько свадеб обвенчано в нем, сколько окупелено - защитников, утрамбованных в братских могилах по Европе и Азии? И вот сам - разорен, разграблен, на дождях и буранах, обугленный, и крест на куполе покосился.

Россия покосилась. Мы покосились - народ. А Ленин: “Религия - опиум!” А опиума - вовек не вырвать и не выгрести у торговцев: мак, анаша, морфий, марихуана, яд:

закужились люди. Рожать перестали. Обманывает брат брата. Сестра сестру обманывает. А Хрущев жаждет к Ленину лечь, но в мавзолей не спешит - в Кремле уютно...

Сталин возле Ильича понежился. Выкинули. Я успел, посмотрел. Оба интеллигентные. Вытянулись, сазаны экие. Но Сталин - командир. И - румянее, вынесли. И - Хрущева вскоре сняли: не гоноши, не занимайся перетаскиванием покойников. На Руси беречь мертвых - грех великий. Хрущева упаковали на Новодевичьем - и примолк. А он ли не обожал массы?

Ленинец. Борец. Марксист. Поворотливый, но толстый. И Брежнев, еще Ильич, поворотливый: маршалом оформился, теоретиком, архитектором мира, и, совершенно надрывшись, мусолит авторитет вождя: "Меня к Ленину тянет, к Ленину тянет!" - "Ну тянет, ну, прильни, да не слишком забывайся. Владимир Ильич, Абрам Ильич Боричко, Леонид Ильич - перепутаешь, а жить от этого не легче: кругом свары и шулерство".

На Брежнева Суслов медали и ордена вешает, геройские звезды цепляет, а соратники его, Устинов, Андропов, Подгорный, Черненко, Кириленко, Громыко, Зимянин, семят, пылят на ковры в Георгиевском зале. Нам в Бога верить, партийным, преступно, а им, безбожникам, в Брежнева - похвально? Брежнев. загудел, Галина, его дочка, загудела. Зять загудел. Воруют - гудят. Воруют - и гудят. Не воруют - подарки хапают. А КПСС - нервничает, а слово промолвить робеет - невеста.

И друг мой, лирик нежный. Слава Богданов, с похмелья возмущается:

- Не вступлю в партию. Все они бандюги и жулики!

- Ты что, - говорю, - спятил? А Вячеслав рифмы приплюсовывает, маститый:

И Никита титан,
И Брежнев титан,
А ты вкалывай, Иван,
Бессменный болван!..

* * *

Триста девяносто три медали, с орденами и звездами, на лацканах брежневского мундира дзинькало. Не подымался, а - цеплял и цеплял. И Политбюро цепляло - каждый себе, а Брежневу - спаянным коллективом. Чем занималось Политбюро? Давай русских шовинистов искать. Нашли. Одним шовинистам скучно - сионисты обнаружены. Сионисты

- шовинисты. Шовинисты - сионисты. С Афганистаном - потрафило: принялись губить, истреблять русских парней!..

Войн тех, бессчетных, им не хватило? Софьи Александровны им не хватило? Рахиль Моисеевны им не хватило? А молоденькие-то преподавательницы оптимизируют: "Наши в Афгане! Наши в Афгане!" А позже заплакали: женихов укокошили наемные моджахеды. А Брежнев с Устиновым? Натворили, натравили народ на народы и в мрамор залезли. Спасибо - без гражданской обошлось, без Великой Отечественной обошлось. Оба - ленинцы.

А Вячеслав Богданов думает. Вячеслав Богданов трезв. Где отца его зарыли? Куда моего отца призывали, коль до сих пор - на костыли нагружается? Тридцать лет, сорок лет, пятьдесят лет протекло от Победы, от 9 мая, к нам, и от 22 июня 1941-го, а утешиться нечем: хуже и хуже, лживее и лживее, подлее и подлее, опаснее и опаснее. А партбосс и партэмиры - катаются. Грозят нам, безгласным коммунистам, лишь "провинился", на КПК, гнусную Голгофу, в скопище скорпионов, швыряют, а сами банкетить удаляются. За награды сражаются и глубоко кусаются. За премиями целый вояж устраивают, с женами, с лакеями.

Ленин их недоковал. Мавзолей их не усовестил. Да и у каждой эпохи - свой Ленин. У каждого народа - свой Ленин. У монголов - Чингисхан. У китайцев - Мао. У испанцев - Франке. У кубинцев - Кастро. У болгар - Живков. У румын - Чаушеску. У израильтян - Шамир. У иракцев - Хусейн. У итальянцев - Муссолини. У венгров - Кадар. У американцев - Линкольн. У англичан - Тэтчер. У французов - Наполеон. Куда их деть?

Римские консулы башни сооружали, имя собственное им назначали, а соратников, по смерти, в стену замуровывали. И у нас, как в доновоэровском Риме: Мавзолей - Ленин. И - соратники... На древность падкие - рептилии. Современникам - пули, подвалы, зоны, траншеи, а потомкам - глазей на урны, на бюсты, осененные Мавзолеем. Бог, карать надо!

И стихи у меня о Ленине изменились, грустные, жестокие стихи получаются:

Ужели простолюдин-забияка
Конфузливо осмыслил наконец,
Как поусох до мумии вояка,
Его судьбы слепой головорез?

Да, человек природою обучен
Презреть того, чья нечиста рука,
И отомстить забвеньем неминучим
Хотя бы даже и через века!

Мавзолей. Урны. Гранит. Бронза. А на Урале - обычный памятник поэту. Вячеславу Богданову. Обычный. Незаметный. Брат Вячеслава, Володя, рядом. Отец мой рядом. А Челябинск - город огня и железа. Город - руды и камня. Город - жить, как в мартене работать, трудно...

И деревня моя, хутор ли, называй по желанию, исчез, хутор Ивашла. Красиво - ива шла? Где еще такой был? Нигде. И пропал. Растворился. Могильные холмики в траве пригнулись и растворились в ней, а бураны и дожди их сровняли - пустошь: ветер гуляет, снег метется, годы звенят. А я задержался перед зеркалом - седой. Виски - тем снегом осыпаны. Волосы - в том снегу. И - хутора нет.

А Родина цела?.. Вчера по Новороссийской бухте киями прочертили американские эсминцы - прочертили по центру бухты. Отдыхающие - ахнули. Военные - побагровели. А Михаил Сергеевич Горбачев - не стушевался. Позвонил Рейгану - поздоровался. Теперь Бушу звонит. Руст приземлился перед Кремлем. В Кремль - устыдился. Праздник Победы. Шум от мотора. А мог бы... И вновь Михаил Сергеевич, Генеральный секретарь КПСС, Председатель Совета обороны, а ныне и Президент, помямлил, помямлил: "Контекст!.. Плурализм!..Альтернатива!.. Приоритет!.. Конверсия!.. Приватизация!.." - и уехал с Раисой Максимовной то ли в Бурунди, то ли в Люксембург, к Чингизу Айтматову, то ли к покойному Хаммеру - за селитрой для советского урожая.

Где КПСС? Что КПСС? Александр Николаевич Яковлев трясет день и ночь русских писателей. Мало тряс при Брежнев? Ему - удовольствие, а писателям - беда. Соратник. У Горбачева соратников не меньше, чем у Ленина: и сам Горбачев - Ленин сегодня. Он сравнивает себя добровольно с Ильичем: мол, в период нэпа на Ленина гневались друзья по Кремлю и по партии, а Ленин прав, оказалось. Мне, мол, сейчас предлагают покинуть какой-то пост, из трех, а я не хочу, я завтра окажусь прав, как Ленин, как Сталин, с оговорками, как Хрущев, как Брежнев, как Андропов, как Черненко. А помру, куда меня класть? В Мавзолей. Так повелит партия Ленина и моя - КПСС.

Есть нечего, а Горбачев прав. Границы наши, сухопутные, водные и воздушные, пересекают, усекают, обрезают, а мы слюну глотаем, а Горбачев - прав. Цены на лук и на хлеб, на соль и на мыло, на белье и на тапочки подпрыгнули, невозможно купить, а Горбачев прав. Седьмую весну разрушает СССР. А снять - кишка тонка у КПСС. Ленин отвалил Польшу, Финляндию. А Горбачев? Никсон обожает Горбачева...

Ленин и Крупская на Ленинском проспекте, в начале улицы Крупской - на мраморной скамейке. Читают газету. Надежда Константиновна читает Ильичу на своей улице и на его проспекте. И мрамор - из карьера Ильича. И привезен по железной дороге пионерами-ильчевцами, по инициативе полустанка Ленинского. А у Горбачева нет пока такого памятника. Горбачев внедряет: мол, он похож на Ильича, а Раиса Максимовна - на Надежду Константиновну? Еще мраморная скамейка нужна...

Как нам быть? Платить ли взносы? Кормить ли своим трудом и потом их, бесцеремонно циничных, гениальных среди нас, глупых? Каждый ленинец непременно снабжает охламонов, жадною толпой стоящих у трона. Речи - сочиняют. Выступления - сочиняют.

Книги - сочиняют. Горбачеву ярче и быстрее оттискивают в типографиях переплеты к очередным томам, чем оттискивали Ленину, Сталину, Хрущеву, Брежневу, Андропову, Черненко, и лишь Раиса Максимовна никак не перещегоольнет, не переплюнет в славе Надежду Константиновну Крупскую: та-то - профессиональная революционерка, а эта - доцент или кандидат наук... Писательница.

Только Генрих Боровик ей способствует на зарубежных и отечественных экранах. Генрих, губа не дура, знает кому способствовать! А КПСС - парализована. КПСС - мигает ресницами. А Михаил Сергеевич говорит, говорит, говорит, произносит, произносит, произносит, выступает, выступает, выступает - речи не свои, не жалко.

Ленин отобрал сундуки, имения, наделы, особняки, ограбил в храмах деньги, иконы, серебро и золото, наследственные драгоценности, швырнул русский народ в голод - опомнился: онэпил и доконал. Сталин - заколхозил Россию. Хрущев - хаммеровской селитрой и хаммеровской кукурузой отравил. Брежнев - пробанкетил. Померли.

Горбачев разрешил церкви мыть, крыши латать, пустые сундуки и заросшие бурьяном наделы вернуть. А у русских трудяг - ни копейки. Ворье, партийно- и демократно-беспартийное, ленинцы и яковлевцы, "академики" всех мастей, манер и калибров, скупают последние жемчуга и бриллианты, приобретают гектары, мастачат высокоэтажные виллы, за ленинцами и яковлевцами - кавказцы, торгующие мясом, перцем, айвой и помидорами. ,

Народ русский в шоке: Горбачев обласкал блатных - по триста пятьдесят тысяч партвзносы платит кое-кто с месячного оклада, а Горбачев - лауреат Швеции, лауреат Америки, лауреат Испании, лауреат Италии, лауреат Германии? Ужас. За какие таланты, теории, практику? А КПСС - невеста, смущается, не спросит: когда задумаешься о родной стране, чужой лауреат?..

Еще есть у меня один друг, поэт, честный, как Вячеслав Богданов, - Иван Савельев:

Жулики с партийными билетами,
Жуликами щедрыми воспетые,
Нам теперь указывают путь, -
Наступают, не передохнуть.

Перестройки якобы ревнители
(Разве вы не слышали, не видели?),
Все в поту, с утра и до зари
Зданье разрушают изнутри.

Побратались с теле и газетами
Жулики с партийными билетами,
Выжигают соль земли моей -

Веру! - как напалмом из людей.

И - ленинцы. И - яковлевцы. И - горбачевцы. И - коротичи, адамовичи, Старовойтовы, Собчаки, бурлацкие, Корякины, черниченки, евтушенки, заславские, поповы, станкевичи, Шаталины, бросившие партию, вступающие в партию, бранящие КПСС, орудующие в КПСС, новее-за штакетником перестройки: руки просовывают между штакетинами и штакетничают, штакетничают, не успевают пережевывать, глядь - куш, глядь - куш!.. Рабочий Константин Осташили возмутился - арестован. Забуянил - срок намотали. Прозрел - повесили?.. Юрий Черниченко - срок ему намотал. А изверги - повесили.

А КПСС - невеста? А Ленин - жив. Ленин - будет жить. Ленин - в Сталине. Ленин - в Хрущеве. Ленин - в Брежневe. Ленин - в Андропове. Ленин - в Черненко. Ленин - в Горбачеве. А Горбачев - в нас. Хотя вряд ли сыщешь в СССР крестьянина и рабочего, кто бы взял его в себя, вряд ли! Надоел.

Но кого интересует истина? Перестройщики - соратники Горбачева. Диссиденты - соратники Горбачева.

Мы охмурили евреев или евреи нас, решить нелегко: евреи бегут, и мы без куска хлеба! Но привязанность у нас обоюдная: мы им - должности, они нам - с трапа машут...

Россия без евреев - не Россия!.. Когда русские одни - труба...

* * *

В молодости, учась на Высших литературных курсах, Вячеслав Богданов подвыпил и разбеседовался с "кормчими" столицы. Спрашивает у цементно-бетонного Маркса:

- Зачем ты здесь? Ехай в Германию. Утомили. И мы тебя утомили. Взаимно отпихиваемся, а соседние страны богатеют, ехай к себе! - Но Карл не ответил.

Слава Богданов свернул к Свердлову:

- А ты зачем здесь? Чинил часы и цепочки, латал кастрюли и чайники, а теперь с портфеликом, в пенсне, на пьедестале, бездельник! В портфелике-то не часы, не цепочка, а, поди, динамит? Цареубийца! - И Яков Михалыч не ответил. И к себе не убрался.

Раздосадованный, Слава Богданов, друг мой верный, поэт храбрый, наткнулся на Феликса Эдмундовича:

- Ну, постоял, хватит. Поезжай к полякам. А может, ты и не поляк? Был бы ты славянин, разве пустил бы столько из русских крови? Вон Свердлов, не славянин, и не скрывает этого. А ты? Кто ты? Тобой на Руси детей пугают замордованные женщины. Ехай от нас, ехай, хватит, постоял! - Но Дзержинский гмыкнул, и Слава к Воровскому, к Тельману, к Энгельсу уже не попал...

Интересно: Ленин раздаривал Россию, а Сталин собирал. Сталин даже "путешественников" ловил в камеру. Хрущев раздаривал Россию, а Брежнев жмотничал. Горбачев - центрист: на макушке вулкана подсакивает, а республики шарахаются и зубами щелкают...

Софью Александровну, старуху, и Дарью Ивановну, старуху, внуки увезли. Рахиль Моисеевна иногда по зарубежному радио впечатлениями делится. Она, е-мое, сестренка Абрама Ильича Боричко, Героя Соцтруда, пенсионера. И коровий грузин - не грузин, а Ривкин Давид Давидович. Не из "путешественников"? Румын - обосновался в ЮАР, антисемит...

А я с поэтами спорю. Не соглашаюсь на вынос Ленина и на разбор Мавзолея. Нельзя покойников перепеленывать и нудить, хотя Красная площадь не под Мавзолей лелеялась. Нельзя гнать коней, убирать, перезахоранивать, не будет урожая выше, как бы мы ни крамольничали - беда:

Недовольный мятежник, прищурясь, недремно лежит,
Одинокий, как тайна, морозною тишью студимый,
Вдруг наклеит бородку и вновь кочегаром сбежит,
За трагедии проклят, но все же пока не судимый.

Он разрушил надежду, и впредь не воскреснет земля,
Стал народ полунищим, бесправным, хмельным не улыбой,
Кровь удушенных сел, клокоча, дотекла до Кремля,
Проросла Мавзолеем, угрюмою каменной глыбой.

Говорят, по ночам он по кладбищам рыскает сплошь,
Но никто не дает ему рядом обычного места,
И, отвергнутый Богом, на Каина злого похож,
Возвращается в сумрак легенд и венков, и ареста...

Справа бюсты и слева соратников и палачей.
Снег над площадью Красной волос моих белых белее.
И лежит он, один, за торжественной дверью, ничей,
В саркофаге железном багровой скалы Мавзолея.

Сшибать памятники, взрывать храмы нас никто не имеет права учить: нам нет равных в устройствах безобразия и в отторжениях того, о чем пеклись и радели когда-то. Мы - зоологические самопожиратели, бронтозавры из пустыни Гоби: они, осваивая океан, размножались, чувствовали себя отлично, а потом приостановились, пофырчали и принялись драться, грызться.

Прадеды - грызлись. Деды - грызлись. Сыновья - грызлись. И внуки - грызлись. Грызлись, грызлись, не заметили - океан под ними измельчал и раздробился. Догрызлись - лежат племенами, родами, семьями. Но большинство - лежат по одному, в неизвестности лежат.

Барханные курганы - высокие. Медные. Двигутся - места постоянного не имеют. Выскочит суслик и - свечой, свечой, а песок внизу шумит и проносится в жалящих искрах солнца, проносится мимо великих кладбищ гордых обитателей голубых глубин, а ныне - рыжих костистых дюн.

Не все евреи русских любят. Не все русские любят евреев. Иные, те и те, женятся, детей родят, общую тропинку и общий свет ищут, а не "вождей" готовят... Зачем же вчерашнюю ошибку превращать в идею "борьбы и созидания" сегодня? Зачем же вчерашние символы, вчерашние имена сквернить огульно и пьяно - как глупо надеяться на урожай, травя почву? Надо - с разбором, с толком.

Кое-где в республиках от законных русских квартир и домов - русские курганчики остались... А внизу - кровавый песок проносится. Ждет нас, если мы не обречем, мытарствуя, гражданскую неодолимость разума, ждет нас волчица пустыни - воющая смерть.

Простим полководцам - полководческое, вождям - вождистское. Означим их ошибки - своею мудростью, их злобу - своею печалью, их революционность - своею мерою истины, действующей в поколениях.

Давно я заметил: поэты, идущие в литературу от борозды и от станка, часто не выдерживают психологической нагрузки - гибель уносит их. Открытые и доступные, честные и ранимые, они нарываються и на богемную ватагу, и на "замаскированную мину" чиновно-государственной лжи и тайны.

Не приспособленные к неожиданным подлым подвохам и кровавым оргиям правителей, не умеющие быстро понять и осознать время, русские молодые поэты начинают метаться и сомневаться, каяться и заряжаться новым омрачительным гневом провинциального пророка.

Не водка их уводит из жизни. Не буйство их невозвратное узывает, а ослепленное удивление: как, я уважал Владимира Ильича Ленина, а он, оказывается, запломбированную банду в Россию мою приволок?! Малограмотность, наивность и неинформированность преодолимы, а потеря доверительности тонуса - нет.

Слава, улетаю ко мне в Москву, привез, в Челябинске, на могилу моего отца мою мать. Рядом с отцовской - пустая могилка зияет.

- Тетя Нюра, ну кого с дядей Васей по соседству зарюют, кого?..

- Кого-нибудь, Славик, зарюют. Могилки долго не пустуют!..

И - Славу зарыли... Вырвался из-под моего гнета в столице, попал сразу в богемную ватагу. Хмельно заснул в общежитии - не проснулся.

Но не водка увела поэта Вячеслава Богданова из жизни, не водка. Мы, воспитанные на повестках и похоронках солдатских, на слезах и на причитаниях вдов и сестер, пытались уяснить, найти точку опоры для себя, дабы зарубцевать философски шрам на сердце - расстрельные подвалы и рвы, окопы и братские воронковые провалы, куда, пожалуй, наполовину канул русский народ...

Что за сны мне снятся,
Что за сны!
Это думы предков-россиян...

Мы заглядывали в расфуфыренную физиономию эпохи. Заглядывали за мраморные полы пальто и плащей, революционно зовущих нас вперед и вперед. Идеал в нас пошатнулся вместе с вождями.

Мне ли жаловаться на жизнь? Вон Слава Богданов - пожить не успел. Понять не успел - кто прав: Ленин или царь? А может, за Ленина и за царя один Сталин прав? Да и понял бы Слава, а пользы ему от данного понимания? Цари - цари, а черному люду Россией не руководить, ясно и сумасшедшему...

Слепоту свою нам винить требуется. Пока не поседем - наивные школьники. И какая власть лучше, советская или буржуазная? Чем бы мы со Славой занимались, появись мы на белый свет до Революции? А тоже, черти, пытаемся ум собственный занять. Кому он нужен? Погиб Слава, талантливый русский поэт Вячеслав Богданов. Погиб, а стихи его до сих пор не успокоились, о Есенине плачут:

Улеглась в гостинице гульба,
Желтый мрак качался в коридоре.
Как смогла ты,
Подлая труба,
Удержат такое наше горе!!!

Не вино сдавило вдруг виски,
Неметель, Что выла, словно сука, -
Это пальцы подлостей людских
Прямо к горлу подступили туго.
Спал подлец,
Напившись в кабаке,
Над поэтом зло набалагурясь...
Смертный миг...
Лед треснул на Оке...
Только мать на всей Руси проснулась...

А сам Вячеслав Богданов - почти повторил смерть Сергея Есенина. Вот и думай: почему в России на вождей молятся, а русские поэты гибнут и гибнут? Мавзолей цел, а Рахиль Моисеевна в Израиле - разъяснила бы нам наши русские сомнения. А кто еще разъяснит? Мертвые?..

Яков Свердлов залил кровью Дон, Кубань, Урал, а Ленин - жив. Спровоцированный голод закопал миллионы и миллионы, а Ленин - жив. Троцкий в Крыму расстреливал по восемь, по двенадцать тысяч молодых солдат и офицеров сразу, по триста тысяч от него в Тунис бежали, а Ленин - жив. Тухачевский травил на Тамбовщине восставших крестьян угарными газами, а Ленин - жив. Ленин устрашал русскими консерваторами и реакционерами Запад, и Горбачев устрашает. Вождь? Отождествлять вождей с партией, а партию с вождями - за миражами следовать. Вожди с грабежей и расстрелов начали - грабежами и усобицами закончили. А мы? Хамы - оскорбляем президента. Ордынцы капризные.

Дзержинский, Каганович, Менжинский, Ягода, Ежов, Берия опутали страну колючей лагерьной проволокой, заткнули навсегда рот инакомыслию и правде, а Сталин в Кремле. Русский народ захлебнули дымом танков, гулом бомбовозов, а Сталин - в Кремле. 1947 и 1949 годы изъясачили русских, а Сталин - в Кремле.

Русские села ослепли от ига и хаммеровской селитры, а Хрущев сапогом в ООН брякает. Совнархозы и обкомы закисло, а Хрущев сапогом в ООН брякает. Венгрия, ГДР, Польша переворотом забредили, а Хрущев с Китаем лается и сапогом в ООН брякает.

В Чехословакию полки "дружественные" входят, а Брежнев в ленинца играет. Афганистан смирно живет, нас почитает, а Брежнев армию туда заслал. Народ кончины его у Христа молит, а Брежнев, рехнутый, с волочащейся ногой и потерянной на юбилее челюстью, к Индире в гости вломился.

Андропов - якорь поднял. Черненко - якорь поднял. А Горбачев: "Мы революционеры, ленинцы!" Японцы Курилы и Сахалин не прочь оттяпать, прибалты и молдаване "офонарели", грузины и армяне "дуются", а Горбачев вместо "азербайджанцы" фонетизирует: "Азарбажансы!.." Медали, ордена и звезды игнорирует, а к премиям

Горбачев и Раиса Максимовна шибко слабость имеют. Горбачев, как я стихи Славы Богданова, читает якобы стихи Анатолия Осенева, почти Хайяма, из Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик:

Придите, Булат и Белла,
И Танечка, и Андрей,
К моей голове поседелой
И к тяжелой работе моей.

Булат - Окуджава. Не родич ли “запломбированному” Окуджаве? Белла - Ахмадулина. Танечка - черт их разгадает, советских дворян, наверно, красавица дама. А этот, Андрей - Вознесенский. Так ведь? И сам Анатолий Осенев-Лукиянов - провинциально широкий человек и, как Горбачев, центрист-вулканист:

Багрицкий - трудное дыханье
И южный говор рыбака,
Контрабандистка на майдане
Его гудящая строка,
Я помню, как, забыв о зале,
Весь растворившийся в стихах,
Чуть монотонно и печально,
Вплывал в поэму Пастернак.
С улыбкой грустной и лукавой
Читал “Рабфаковку” Светлев,
И глуховатые октавы
Усталых маршаковских слов.
И Антокольский мечет громы,
Мысль вырывая из оков...

И еще - у Осенева: “Спасите меня, поэты, Для новых упорных драк”. А с кем драться-то? Лизоблюдствующие поэты - мохнатые дворняги, трутся о колено начальника. А драться с нами - со своими драться? Но, например, власовцы со своими дрались беспощаднее, чем с немцами... А кое-кто опровергает: “Немцы не засылали к нам в запломбированных вагонах сионистов и революционеров!” Засылали. Откуда же христородавцы плодятся, если не засылали?

Давно я на Ивашле не бывал. И что там бывать - пустошь. Зимой - белый ветер. А летом - грустный одинокий ливень. Что там бывать? А Подмоскovie я исходил и колесами

автомобиля измерил. Недавно - рулю, вползаю по грязи в улицу брошенной деревни: ни голоса, ни окрика. Колодцы, без крышек, высохли. Окна без рам - глазницы мертвецов. Никого. Много таких деревень по Руси, много.

Вылез из кабины - тишина. Как деревня называлась - не знаю. Считаю избы. Насчитал семьдесят четыре. И советской власти семьдесят четыре - пустошь. Жуть. Гляжу. Слушаю. А впереди - заржавленный обелиск. Живые, покидая избы, поставили. Поставили и ушли. Счет советской власти и КПСС предъявили. Ленину предъявили.

ПОГИБШИЕ НА ВОЙНЕ 1941-1945

Авилов А. А.

Авилов И. А.

Гаврилов И. И.

Гаврилов М. Н.

Дмитров Е. О.

Димитров В. О.

Дмитров Г. Г.

Жуков Н. Г.

Жуков Н. Н.

Лаптев А. Р.

Лаптев Р. Р.

Лаптев И. Р.

Маслов В. В.

Маслов С. Р.

Маслов П. В.

Маслов П. П.

Маслов И. П.

Назаров К. К.

Память - Вселенная. Боль кровавых бед, обещательных надежд и свинцово навязанных нам неведений спрессовалась в нас и закремелла. Память - лик Сергея Есенина, память - плачущая синева.

Иванов П. П.

Иванов Н. П.

Иванов Г. П.

Иванов Р. П.

Иванов Б. Д.

Иванов Д. Д.

Крюков Н. Г.

Крюков М. Г.

Орлов В. А.

Орлов Б. Б.

Петров С. А.

Петров С. С.

Петров В. С.

Петров Н. Н.

Родионов И. А.

Родионов А. А.

А дальше считать - не смог. Больно. Душе слезно. Вот где: Ленин - жив. Ленин - будет жить. В вагонах ехали родственники кланами. И тут отмечены родственники - "кланами". А неотмеченные - "кланами" распыленные "антисоветчики": шпионы, саботажники и кулаки. Дети вагонных родственников - удирают в Израиль. Дети отмеченных родственников - мыкаются по России, по городам ее. Мятежность сэберегут? Гордость сэберегут? Русских с земли согнали. Русских предали. Обложили распрями.

Стою - а надо мной ворона. Настороженная, зоркая. На ветке изрубцованного тополя сидит и молчит. Сидит и молчит.

* * *

Как получилось? Заветные лозунги и призывы к равенству и братству, свободе и труду сияли нам со столбов, зданий и мостов, расположенных вдоль бескрайних трасс гигантской державы, сияли, а на практике - лицемерие, боязнь, нищета, ожирение, безнаказанность начальников, наемный труд в кабинетах, на дачах, даже в академиях: очкастый раб корпел над "продолжением развития ленинской коммунистической теории", закрепляя на обложке "изысканий" не свою фамилию, а Хрущева или Брежнева, Черненко или Горбачева...

Скурвились не только избранные вожди и маршалы, скурвились и многие секретари райкомов, горкомов, обкомов и ЦК КПСС, а уж о членах Политбюро затевать рассуждения тошно: единицы не скурвились, не захапужились, не запродались золоту, успеху, цинизму, что и доказали нам дни "решительной" деятельности ГКЧП, единицы.

Запуганность людей, робость целого народа, рождена не реальными свободами граждан, а наоборот: рождена глухими тайнами кровавых оргий верхушки, от Ильича до Ильича, от расстрела патриарха всея Руси Тихона до вторжения "советского интернационалиста" в афганский нищий кишлак. Народ клике Брежнева предложил прогрозотать через пустыню Афганистана пушками и танками?

Народ ли заварил кровавый чай в Чечне? Заварили выкормыши ленинского ЦК КПСС, оккупировавшие нас, напустившие на нас вооруженную мафию убийц, торгашей и растлителей, мафию, марширующую по сердцам нашим с криком: "Русский фашизм! Русский фашизм!.." Еврейские и русские хриstopродавцы захлебываются нашим горем, радуются, глумясь над нами с экранов и трибун.

Выдюжим ли мы, русские, последний антирусский ураган? Последний. Не вытерпит же Христос, обрушит огонь возмездия на пьяных кровавых бесов, танцующих на наших русских могилах?

Обвинением, не подлежащим смягчению, требующим высшей меры наказания, расстрела маршала Берия, фигурировало обвинение: "Берия пытался наладить скрытное отторжение от СССР, от России - Кавказа, Средней Азии, Прибалтики, Белоруссии,

Украины”, и расстрела, предатель, не избежал. А наши предатели? Наши предатели за принесенные нам горе, слезы и несправедливости сидят в президентских креслах, бывших креслах первых лидеров ЦК республиканских партий и первых лидеров ЦК КПСС, да, сидят, мигают остекленевшими зенками и дают команду корреспондентам, судьям и прокурорам, как псам отдрессированным, ловить в русском народе, униженном и обобранном, фашистов.

Фашисты лихорадочно ищут собственную тень в безвинном русском народе. Но где и в каком народе найдешь то, что брезгливо отверг народ? Найдешь - в кабинетах и на трибунах, за лозунгами и призывами к братству, свободе и труду...

Лаврентий Павлович Берия, уничтожая русских, насиловал малолетних. Лаврентий Павлович поручал мерзавцам вылавливать не фашистов русских на московских тротуарах, а русских красавиц, и опоганивал их, презирая русский, измученный диктаторами, народ. А повели ленинца кокнуть - засуетился. Кому умирать охота? Сегодня устраивают показательные суды не над лаврентиями, а над русскими патриотами, не гнущимися перед высококвалифицированными “бескровными” палачами, посланцами еврейско-русских мафий.

Кто отобрал фабрики и заводы у нас? Кто отобрал нормальный труд и отдых у нас? Кто растоптал последнюю надежду на кров и покой у нас? В 1945 году, помню я, помню, вокзалы и трамваи, базары и парки вдруг заполонили немые инвалиды, фронтовики, хромые, слепые, безрукие, безногие, моля кусочек хлеба.

Сценарии повторяются, чуть изменяясь, ко времени приспособиваясь, но исторический режиссер тот же, тот же кровавый почерк предателя и негодяя, ненавидящего целостность СССР и России, целостность русской нации. Да грянет суд над казнящими народ русский!..

Я еще и еще утверждаю: с 1917 года не было в Кремле правительства, национально болеющего за свой народ, за его быт, здоровье и прирост, не было. Возьмите вы только врагов и прочих нерадивых у народа - генералов и маршалов, министров и председателей советов министров, разве лишь маршал Берия расстрелян? Разве осуждены и оболганы лишь писатели и ученые?

Где Тухачевский? Где Дыбенко? Где Зазубрин? Где Бухарин? Где Троцкий? Где Егоров? Где Вознесенский? Где братья Лазаря Кагановича? Где Рыков? Где Маяковский? Где Гамарник? Где Вавилов? Где Блюхер? Где Ягода? Где Молотов? Где Фадеев? Где Булганин? Где Мехлис? Где Ежов? Где Маленков? Где победоносный Жуков?

Палачи и жертвы, грешники и негрешники кипят в котле. В котле паровоза, выволокнувшего в Россию грызливых мерзавцев. Соратников Ильича...

Кровавая свара: кто виноват, кто не виноват, кто еврей, кто не еврей, кто русский, кто не русский, всех на распятие мафия зовет, каждому персональный приговор - смерть,

каторга, позор, забвение, но почему же, почему же так? Над праведными и над неправедными - они, они, хриstopродавцы века, торгующие в Америке и в Израиле, в Китае и в Германии, в Японии и в Аргентине, в Камеруне и в Бахрейне нашей землей и нашими крестами, везде они и они, воровски ехавшие и воровски зачатые в запломбированных вагонах.

Кровавые жернова. Кровавая молотилка. Рядовой генерал Дудаев ныне - легендарный генерал: помыкает Кремлем и Москвою по желанию своему, а преступники преступника милуют? Медаль, отлитая в честь 50-летия русской победы над фашизмом, заштрихована символами сионистско-фашистской мафии, звездами шестигранными и знаками числовыми, питающими кровавую прихоть Люцифера. Правят нами обрызганные кровью нашей бандиты. А мы чубайсовского счастья и благополучия ожидаем...

На Ваганьковском кладбище истоптали могилу Сергея Есенина, а белокрылый бюст поэта, мраморный и сверкающий, измазали черными, синими, коричневыми треугольниками, перекрестными бляхами бейтаровцев. На Рязанском проспекте Москвы памятник Есенину сшиблен с пьедестала и в те же дни в Константиново на памятнике Есенину намалевали постыдные сионистские афоризмы. Где мы, русские люди, покой найдем от бейтаровских фашистов? Русско-еврейские хриstopродавцы прячутся и загораживаются священными датами от нас и священными именами: без камуфляжа им - швах...

У ПАМЯТНИКА ЖУКОВУ

Любимая Россия наша
Без боя недругам сдана...
И на коня взлетает маршал,
Аж вспыхивают стремяна.
Копыта цокнули - граница:
Смоленск?..

И Астрахань?..

Земля

Затормозилась, не вертится
Вокруг победного Кремля.
И маршал в гневе и в обиде,
Вот натянул поводья он,
Но не полки вблизи увидел,
А странный праздничный полон.

Шуметь с горы Поклонной в мае
Нетрезвый самозванец рад,
Там Клинтон строго принимает
Капитуляции парад.
Там горе вздохами высоко,
Там ропот паники опять...
Неужто ты, державный сокол,
Позволишь славу им распять?
Мы возродим свои парады, Пройдем в строю, а не толпой, -
Скачи, скачи,

дробя преграды,

Зови, зови Россию в бой!

Поклоняемся ли мы Ленину, отрицаем ли его, проклинаям ли Сталина, покаянно ли возвращаемся к нему, а великая страна, СССР, взорвана. Россия - на очереди, Россия плывет, одна, через угрозы и увещания, через надувательства и унижения, плывет, теснимая бронированными армиями НАТО, под прицелом западных ракетных дивизий и западных истребительных полков.

В НАТО удирают вчерашние жертвы Гитлера, в НАТО продажно подвизаются вчерашние союзники СССР, в НАТО поспешно тычутся бывшие республики СССР: Горбачев и Яковлев, Шеварднадзе и Ельцин, Кравчук и Шушкевич завершили в Беловежской пуще перед Люцифером черный танец обрядовой измены...

Сколько же перемолол русский народ расстрелов, тюрем, нашествий и клевет, сколько же он воздвиг обелисков на безымянных могилах по городам и весям? Начал раны заживлять. Подниматься начал - заметили. И нанесли удар непоправимый. Сатана торжествует. Но мать-Богородица звенит над нами крылами заревыми и прикрывает нас, прикрывает измученную Россию. Не все, не все потеряно!..

Если бы дала судьба Вячеславу Богданову пожить еще десять - пятнадцать лет, он стал бы, несомненно, очень оригинальным поэтом. Поэты, вышедшие из рабочей среды, должны приобретать знания и литературный опыт по дороге к судьбе.

А знания и опыт, приобретенные в цехе и помноженные на знания и опыт духовного лада, безусловно, дают писателю то, что не даст ему ни одна академическая аудитория. Вячеслав Богданов быстро шел к своему призванию, зорким глазом оценивая расстояние, которое он обязан "обжить" вдохновением:

Ржавый берег травой окутан,
Здесь ничьи не остались следы.
Я не знаю,

Он взялся откуда,
Этот камень у черной воды.

Посмотрите, какая чуткая тяга художника выразилась в строфе? Он словно бы готовит себя душою и сердцем к чему-то сильному и тревожному. Имя этому - природа, дарование, красота, совесть. Главное в поэте - способность к музыке жизни, к ветру Родины:

Камыш и тот, заслушавшись, притих,
Звала меня таинственная сила.
А песня глуше,
Глуше каждый миг,
Как молодость,
Все дальше уходила.

И опять - та же тяга, та же оторопь вдохновения. Вячеслав Богданов все острее "прирастал" к синеве и к раздолью не только потому, что он пришел на завод из деревни, но и потому, даже вероятнее всего потому, что, рано познав железный труд, железный огонь, железное дыхание моторов, не мог не припасть на колени перед бессмертным бегом грозы, перед блеском и шумом резвящегося моря.

Все, что создал человек на земле умного, - все на благо земли, а не на ее разрушение. И железо добыл человек - на благо земли. Свой умный труд на поле или в мартене человек посвящает одному - жизни!

Слово,
Слово - дальняя жар-птица! ..
На каком искать ее пути?
И с небес к нему не опуститься,
По земле к нему не подойти.

Такое не скажешь запросто. Такое надо сначала завоевать долгими годами, разочарованно протекшими по огненным желобам домен... На труде замешана человеческая воля, на труде восходит и талант человека. Вячеслав Богданов был очень трудолюбив. Прекрасный слесарь. Мастер. Настоящий, без бахвальства и чумазости, рабочий. Ныне - рано ушедший русский поэт... И не надо "эстетно" кривляться: да,

настоящий поэт!..

На Урал он приехал, я уже говорил тебе, мой благородный читатель и сотоварищ, из черноземной Тамбовщины. Худой, тихий, застенчивый. Отец его погиб в бою, танкист. Мать - день и ночь на колхозной работе. Встретились мы с ним, как я сообщал ранее, на пороге школы ФЗО № 5 в 1953 году в Челябинске. Сразу подружились, похожие на тебя, мой читатель, биографиями, тягой к стихам, к свету...

Пришли в литературное объединение Челябинского металлургического завода. Мы уважительно относились к творчеству Людмилы Константиновны Татьяничевой и Бориса Александровича Ручьева. Постоянно общались с Михаилом Львовым. Гордились своими земляками. Берегли дружбу с Василием Дмитриевичем Федоровым, чье непосредственное влияние на нас хорошо известно.

Нельзя мять слово наманикюренными ногтями. Вячеслав Богданов был верен призванию, верен его истокам. Он отлично понимал: призвание - серьезное и значительное страдание, необходимость мудреть и лепить в себе личность.

Его стихи стремительно оттачивались, особенно - после учебы в Москве на Высших литературных курсах. Появился новый Богданов: чуточку злой, иронично настроенный к самому себе, к тому лирику, о котором братски писали многотиражные критики...

Не пресловутую рабочесть, а рабочее достоинство и негодование хотел выразить Вячеслав Богданов, не псевдооптимизм, а память и пред начертание:

Я так давно не слышал соловья,
Мной эта птица издавна любима.
Как никогда,
Теперь необходимо
Мне навестить родимые края,
Я так давно не слышал соловья.

Вячеслав Богданов жестко понимал, что быть поэтом - дело чрезвычайно нелегкое. И журчащий родничок, и журавлиный клик, и летящее рукотворное зарево - все, все должно войти в углубленную душу. Только бескомпромиссная память, только бескомпромиссное предначертание поэта смогли подсказать ему такое:

Расцвела агава в южном парке,
Цвет фантаном заструился ярким.
Тридцать лет всего живет агава

И цвести лишь раз имеет право.
Только раз -
Цвести высоким цветом,
Увядая навсегда при этом.
Как ее возвысила планета -
Умереть от собственного цвета!

Слава был действительно единолюбом. А любил он заплетенокосую Тамару. Женился на ней. Из отчей тамбовской земли привез ее в Челябинск. Нежно лелеял ее в мечтах еще со школьной скамьи. Но по причинам нищеты русской и невыносимого быта русского семья распалась. Оба они горько пережили расставание. Оба остались бездетными в дальнейшем...

Как-то мы выпили. Пошумели. А утром Слава прочитал мне:

Ветерочек, резвый, резвый,
Пыль сбивает на ходу,
Я с гулянки, трезвый, трезвый,
Милку пьяную веду.

Вячеслав подтрунивал над поэтом Николаем Валяевым, крепышом малорослым, хотя сам он не выделялся крупностью:

Мы все идем по жизни, не виляя,
И я надеюсь, убедились вы, -
Когда в такси заходит Н. Валяев,
То не склоняет гордой головы...

Никто из нас не обижался. Шутки и остроты, пародии и эпиграммы принимались радостно. Да и не начинали мы наши "послания" злыми ядами, нет, мы радовались встречам и стихам.

* * *

Но все мы оказались в пустыне Гоби, увы: едешь, едешь - жара и жара. Губы потрескались, душа иссохла, а сердце стучит и тоскует по серебристому русскому туману, опахивающему тебя изморозной свежестью, уроненной на землю синей, синей русской ночью, но где этот воскрешающий нас, погибающих, туман?..

Песок и песок. Барханы и барханы. Скалы, распростерты, как подоженные распятия, над рыжим шумящим океаном, сурово двинутым на азиатский континент. Вот чудится тебе родничок, дымящийся по травам росой, но кинулся к нему - прах умершей влаги на зное ветра. Вот чудится тебе озерцо, зеркально мерцающее в темную даль каменных крепей, а наклонился к нему - алмазные брызги солнца, прожигающие тебя до горла, жалящие и шипящие, как гадюки.,

И вот, развертываясь перед тобою и плеща волнами в скорбное небо, возбужденно заиграло и побежало, побежало к недостижимому горизонту море. Приближаемся, приближаемся, а море лукавит и лукавит: течет от нас, торопится, покидает нас, воя и застилая путь нам колючим, шуршащим песком и песком!..

Где же коммунизм наш? Где же Маркс наш? Где же наш Владимир Ильич Ленин? Где Сталин, генералиссимус? Неужели перед неистовыми пророками и мудрецами русскими, Саровским и Бердяевым, Достоевским и Розановым, Ильиным и Леонтьевым, резвящиеся миражи морей плыли?..

ГРИШКА-БАНДИТ

Под Кабулом уткнулся в песок
Русский парень, а маршал награду
Прицепляет на вялый сосок,
Есть четыре и пятую надо.

Пятизвездный герой на Руси,
Коронованный брат богдыхана,
Проклят всеми, кого ни спроси,
Отвернутся и плюнут поганю.

Наконец-то родная земля
Увела его, мрачного бонзу,
И теперь он сидит у Кремля,
Облицованный в мрамор и бронзу.

Туполобый генсек и султан,
Впрямь сумевший лишь тем отличиться:
Измордованный Афганистан

Нашей кровью сегодня сочится.

В Каракумах и в Гоби холмы,
Как могильные - тяжести для взора.
Ну когда ж образумимся мы
И себя оградим от позора?

Не Христа предлагаю распять,
Иль на дверь указать фавориту, -
Неужель нам сгодится опять
Этот памятник Гришке-бандиту?

Брежневу, маршалу и генсеку, сверкать мраморным бессмертием у ворот Спасской башни величавого Кремля, а не полководцу, Георгию Константиновичу Жукову, и не солдату, Александру Матросову, даже не юной партизанке, Зое Космодемьянской, святой красавице, родить не успевшей ребенка для милой России нашей. Зоя распята. И Россия распята. И мы распяты. И сквозь раскаленные миражи пустыни глядит Иисус Христос на нас, иудами распятый...

Возвращался на Урал Слава Богданов трагично. Красный гроб, обшитый черным крепом, погрузили в реактивный лайнер. Во Внуковском аэропорту простился я с другом. Самолет вырулил на бетонную полосу, а я выскочил на автомобиле на окружную дорогу.

Едва приткнулся к барьеру - пронесся реактивный лайнер, ввинчиваясь в настороженную гладь. Заискрились и нервно затрепетали молнии. Дождь хлынул, теплый, струнный. И не мираж в пустыне, а здесь, в центре зеленой России, крест в тучах прорезался, инеем сизым обсыпанный, реактивный серебристый крест распластался в зените Вселенной... А за холмами и рощами гром прокатился, рыдая, и в туман серебристый канул.

Ну выпил в ЦДЛ Слава. Ну лег в комнате общежития Литературного института. Возможно - образы Рахиль Моисеевны или Абрама Ильича Боричко смутили его?.. Или мать на Тамбовщине всплакнула?.. Отец ли, танкист, из пепла показался?.. Тамара ли неслышным прикосновением рубашку распахнула ему, грубому?.. Не проснулся. А со мной попрощался раньше, чем я с ним:

ЖЕЛАНИЕ

В. Сорокину

За какими делами захватит
Час последний в дороге меня?
Я б хотел умереть на закате
На руках догоревшего дня.
Я с рожденья не верю в беспечность.
И за это под шум деревень
Впереди будет - тихая вечность,
Позади - голубеющий день...
Вам на память оставлю заботы,
Я не шел от забот стороной.
И покой на земле заработал -
День последний остался за мной!
И за мной - отшумевшие травы,
И железных цехов голоса...
А во мне эту вечную славу
Приютили душа и глаза.
Приютили, взрастили, согрели
Всем, чем мы и горды и сильны...
И вплели в полуночные трели
Соловьиной сквозной тишины.
По дорогам неторенным,
Тряским
Из-под рук моих песня и труд
Далеко уходили,
Как сказки,
И, как сказки, со мною уйдут!..

Прижизненная последняя книга Вячеслава Богданова “Избранная лирика”, выпущенная в Челябинске в 1975 году, заканчивалась мне посвященным стихотворением: Слава предчувствовал смерть... И поставил стихотворение в завершение книги - попрощался.

Но русские поэты умирают не от водки - от горя: трезвость их угнетает пережитым ими, их отцами, их дедами, а водка, болезненно капнувшая поэту на сердце, отяжеляет думу его. Чугунная дума пережитого - ну, кто ее в доброте растворит?

Въехали в заплombированных вагонах к нам чужие, с револьвером на боку вломились в семью русских, в церковь русскую, расстреливая и казня. Чужие - копытнохвостатые... Приглядись к их физиономиям и мысленно рожки над их ушами подрисуй - высокоорганизованные дьяволы!

Сгоняли, мобилизовали нас, побежденных и сломленных, в соседние и в родственные, в межгосударственные и межведомственные конфликты и в свои глобальные коллективизации на оккупированных русских просторах.

Чужая задача. Чужая цель. Чужие руководители. Чужие судьбы. Чужие надзиратели. И зарастает Россия бурьяном, полынью и обелисками. Китайцы по русским границам шарят, а в Москве торгаши смуглые на прицел нас берут, как юные хищноклювые троцкисты брали нас на прицел в гимназиях и университетах, на борозде и у станка, в шахте и в храме.

Мы, русские, страдаем бессонницей от крови, пролитой среди нас чужими и своими палачами. Чужие палачи без наших палачей - временные, а вместе с нашими, русскими, - бесконечные... И прежде чем плюнуть в кровавую чахоточную физиономию троцкистскому хищноклювому палачу - плюнь в ражистую магарычную рожу палачу русскому, и тем, брат мой русский, укрепись в борьбе за нашу Россию.

Русская бессонница - слезы прозрения:

МОЙ ДЕД

Памяти Арсения Александровича Сорокина

Не пьяный бред и не возмездья случай:
От давнего до нынешнего дня
Мой дед, ни в чем не виноватый, мучит
Ни в чем не виноватого меня.

Он вроде б мирно говорит мне в полночь:
"Насильственной-то смерти не приму!.."
Кого винить?

Устраивала сволочь

В тех временах кровавицу и тьму.

Над площадью тяжелым флагом флотским
Отхлопал Питер: тишь и благодать.
И заползал под псевдонимы Троцкий, -
Так легче нас крушить и убирать!

Шагала смерть по всей Руси великой,
И стон стоял, и детский плач летел.
А дед мой в простоте открытоликой
Пахать и сеять заново хотел.

Но вызван был... И не вернулся...

Бойко

Весна шумела, хмурился Урал.
Сыра земля взяла его - не койка,
Ведь пулю враг недолго выбирал.

Коль доживу, на праздники большие
Я к вам приду,

а если грянет срок,

Пускай меня застрелят не чужие,
А русские надавят на курок.

Когда сверкнет мое над Русью имя
И зазвонят, ликуя, соловьи,
Я буду знать, что я убит своими,
В своем краю, за муки за свои!..

Не надо, не надо крови: ты, козьекопытный и козьебородый бес, фанатик, чужой и расстрельный палач, остепенись - прощения у нас ты не вымолишь, и ты, единокровный мой негодяй русский, перестань травить, унижать и терзать меня, русского поэта, и нас, нас, витязей русских, идущих на каторгу и на гибель за русскую честь и свободу!

1991-1995